Проф. А. С. Алексѣевъ.

НАЧАЛО ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Типо-литогр. Т-ва Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ въ Москвѣ, Марьинскій уч., с. д.

Проф А. С. Алексѣевъ

Глубокоуважаемому и дорогому
Николаю Ивановичу
Коркеву от 16
[illegible]

НАЧАЛО ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Московскаго Юридическаго Общества въ публичномъ засѣданіи Общества 11 апрѣля 1910 г.

Типо литогр. Т-ва Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ въ Москвѣ, Марьинскій уч., с. д.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вопросы Права" 1910 г. кн. II

Начало верховенства права въ современномъ государствѣ.

Рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Московскаго Юридическаго Общества проф А С. Алексѣевымъ въ публичномъ засѣданіи Общества 11 апрѣля 1910 г

Юридическое Общество при Московскомъ Университетѣ послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва снова призывается къ научной дѣятельности, но уже при новыхъ условіяхъ и при новыхъ формахъ государственнаго быта

Эти новыя условія и новыя формы ставятъ ему и новыя задачи

Коренное переустройство нашего политическаго уклада выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ въ различныхъ областяхъ нашей общественной жизни.

Взывая о законодательномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, русское общество ждетъ для давно назрѣвшихъ потребностей новыхъ юридическихъ формъ, которыя соотвѣтствовали бы началамъ, призваннымъ обновить нашъ политическій строи

Эти начала сводятся къ одному основному требованію, къ требованію—обезпечить нашей странѣ прочный правовой порядокъ, т.-е. подчинить всѣхъ и каждаго, какъ правимыхъ, такъ и правящихъ, безспорнымъ и безстрастнымъ велѣніямъ для всѣхъ равнаго закона.

Надъ всѣми, стоящими на очереди задачами, выдвигается такимъ образомъ на первый планъ одна основная проблема. Проблема эта — обезпеченіе въ нашемъ государствѣ господства права.

И я считаю умѣстнымъ и сегодняшнему нашему собранію приличествующимъ сказать слово, посвященное этой проблемѣ, но не въ ея практической постановкѣ,

а въ томъ теоретическомъ освѣщеніи, которое даетъ ей современная наука.

Если эта проблема, давно уже поставленная, еще до сего времени не нашла себѣ удовлетворительнаго разрѣшенія, то объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что въ наукѣ и въ обществѣ все еще держится воззрѣніе на государственную власть, какъ на власть надзаконную и неограниченную, то воззрѣніе, которое сложилось на почвѣ абсолютнаго государства и которое непримиримо съ требованіями правового государства.

I.

Понятіе государственной власти, какъ власти сверхправовой — римскаго происхожденія. Она сложилась, однако, лишь во второй поздній періодъ императорской эпохи и была чужда безусловно республиканскому Риму. Пока Римъ былъ государствомъ-городомъ, это государство мыслилось какъ civitas, т.-е. какъ община полноправныхъ гражданъ или что то же, какъ res publica, т.-е какъ общее всѣмъ гражданамъ достояніе Политическія функціи распредѣлялись между гражданами, дѣйствовавшими въ качествѣ членовъ народныхъ собраній или въ качествѣ магистратовъ; народный выборъ опредѣлялъ призваніе послѣднихъ къ власти, а законъ установлялъ границы и формы этой власти При такомъ пониманіи государства и при такомъ политическомъ строѣ, не было мѣсто воззрѣнію на государственную власть, какъ на нѣчто отдѣльное отъ гражданъ, надъ ними возвышающееся и отъ нихъ независимое

Это воззрѣніе слагается лишь въ поздній періодъ императорскаго Рима. Оно является результатомъ того сложнаго историческаго процесса, который, съ одной стороны, расширилъ территорію Рима, а съ другой— сосредоточилъ существеннѣйшія политическія полномочія въ одномъ учрежденіи—въ принципатѣ. Въ первый періодъ существованія этого учрежденія princeps еще только высшее должностное лицо, избираемое подобно другимъ магистратамъ народнымъ собраніемъ. Юристы II и III вѣковъ еще говорятъ о происхожденіи его отъ народа: они ссылаются на lex regia de imperio, по которой рим-

скій народъ переноситъ все свое право и всю свою власть (omne suum jus et omne imperium) на принцепса Лишь при Домиціанѣ princeps уже окончательно обособляется отъ народа; онъ начинаетъ именоваться dominus и изъ органа государства превращается въ его владыку. Онъ ищетъ оправданія своей власти не въ законѣ и не въ общественномъ признаніи, а въ надземныхъ силахъ Онъ становится божественнымъ самодержцемъ и требуетъ себѣ богоравнаго поклоненія: и славословія, и паденія ницъ передъ его священной и неприкосновенной особой. Государство перестаетъ быть res publica, общественнымъ достояніемъ, и становится res imperantis, предметъ личнаго обладанія, народъ изъ гражданской общины превращается въ толпу безправныхъ подданныхъ, власть изъ совокупности полномочій государственныхъ органовъ—въ личное господство верховнаго владыки; право изъ нормъ, установляемыхъ гражданской общиной — въ предписанія господствующей въ государствѣ личной воли.

И тѣ качества, которыя эта воля приписываетъ себѣ, приписываются теперь государственной власти, какъ таковой она становится властью единой и нераздѣльной, властью надзаконной и неограниченной.

Это воззрѣніе кристаллизуется въ непререкаемый догматъ, онъ переживаетъ средніе вѣка и черезъ легистовъ и теоретиковъ королевскаго суверенитета входитъ необходимымъ элементомъ въ то политическое міросозерцаніе, на которомъ покоится абсолютная монархія новаго времени.

Это политическое міросозерцаніе находитъ себѣ особенно яркое и выпуклое выраженіе въ заявленіяхъ Людовика XIV и его слугъ. По воззрѣніямъ короля солнца, народъ въ государствѣ—ничто, государь—все; первый несетъ только обязанности, но правъ не имѣетъ, государь, наоборотъ, имѣетъ всѣ права, но не несетъ никакихъ обязанностей Государь, по словамъ Людовика XIV, представляетъ собой всю націю и каждое частное лицо является не чѣмъ инымъ, какъ индивидомъ. Вся власть поэтому и вся сила сосредоточены въ королѣ и не можетъ существовать въ государствѣ иной власти, кромѣ той, которая установлена имъ. Нація не образуетъ собою цѣлаго, она вся безъ остатка содержится въ королѣ. Въ

политическомъ тѣлѣ, какъ и въ человѣческомъ, только главѣ подобаетъ разсуждать и рѣшать, функціи же остальныхъ частей тѣла заключаются лишь въ исполненіи получаемыхъ ими приказаній

Отзвуки этихъ воззрѣній доходятъ вплоть до нашихъ дней У всѣхъ еще въ памяти рѣчь, произнесенная въ Кобленцѣ императоромъ Вильгельмомъ при открытіи памятника его дѣду, рѣчь, въ которой онъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ заявилъ, что онъ одного себя считаетъ отвѣтственнымъ передъ Богомъ за управленіе страною и не хочетъ ни съ кѣмъ дѣлить этой отвѣтственности, ни съ министрами, ни съ парламентомъ, ни съ народомъ И этотъ свой взглядъ на полновластіе монарха онъ закрѣпляетъ записью въ золотую книгу въ Мюнхенѣ, въ которую заноситъ знаменательныя слова Suprema lex—regis voluntas, высшій законъ—воля монарха

Воззрѣніе на государственную власть какъ на сверхправовую силу, творящую законъ и имъ не связанную, не только провозглашается носителями монархическаго принципа, она раздѣляется и вдохновителями и ревнителями демократическаго строя

Теоретиками и дѣятелями первой французской революціи власть государства мыслится такой же абсолютной, какой она была при старомъ порядкѣ. Измѣняется лишь ея носитель. монарха замѣняетъ народъ.

Народъ, по словамъ Сіейса, предшествуетъ всему, онъ—начало всему. Его воля всегда законна, его воля—самъ законъ. Народная воля связываетъ не въ силу закона, а въ силу своего естества. она источникъ всякой справедливости. Она не только не подчинена никакой конституціи, но и не можетъ и не должна быть связана никакимъ закономъ.

Воззрѣніе на государственную власть, какъ на сверхъправовую силу, пережило весь длинный и пестрый рядъ смѣнившихся въ теченіе XIX столѣтія политическихъ теорій и нашло, наконецъ, свое послѣднее выраженіе въ ученіи той школы нѣмецкихъ государствовѣдовъ, которая связана съ именами Лабанда и Еллинека. По воззрѣнію этой школы субъектомъ государственной власти не является болѣе ни народъ, ни монархъ, этимъ субъектомъ выступаетъ само государство въ его цѣломъ. Это же государство, будучи высшимъ суверенномъ, допра-

вовымъ и надправовымъ союзомъ, обладаетъ естественной первичной непреодолимой силой—все и вся подчинять своему абсолютному господству Власть государства никогда не бываетъ связана закономъ, ибо она во всякое время можетъ измѣнить законы, пріостановить ихъ дѣйствіе или совсѣмъ отмѣнить. Въ этой естественной свободѣ творить право самостоятельно, своею волею создавать нормы, связывающія другія воли, въ этомъ абсолютномъ самоопредѣленіи и проявляется государственный imperium, его jus cogendi, т-е тотъ специфическій признакъ, которымъ отличается государство отъ всѣхъ другихъ союзовъ.

Въ этой доктринѣ догматъ о непогрѣшимости и неограниченности государственной власти достигаетъ, наконецъ, своего апогея и находитъ свое крайнее и поэтому и свое послѣднее выраженіе

Традиціонныя понятія, сложившіяся на почвѣ абсолютнаго строя, должны теперь уступить мѣсто воззрѣніямъ, сложившимся въ атмосферѣ новаго правового государства

И мы, дѣйствительно, видимъ, что доктрина о неограниченности власти и о подчиненіи ей права встрѣчаетъ въ наши дни рѣшительный отпоръ въ ученіи той новой школы, которая народилась на Западѣ и которая всего ярче формулирована въ трудахъ голландскаго ученаго Краббе Эта новая школа противопоставляетъ суверенитету государства суверенитетъ права и въ верховенствѣ закона видитъ то начало, которое опредѣляетъ основныя черты современнаго политическаго строя.

Прислушаемся же и мы къ этимъ новымъ и свѣжимъ голосамъ

II

Государство можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія. Оно представляетъ собою, съ одной стороны, фактическое явленіе, соціальное образованіе, сложившееся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій, съ другой стороны, оно является юридическимъ единствомъ, объединеннымъ правовой организаціей. Эти двѣ стороны государства тѣсно между собою связаны и взаимно другъ друга обусловливаютъ

Но, говоря о государственной власти, нужно умѣть различать ихъ. Властвованіе государства, какъ соціальнаго образованія, есть властвованіе фактическое, неорганизованное, которое не можетъ быть урегулировано правомъ и его вѣдѣнію не подлежитъ Оно выражается въ зависимости людей отъ тѣхъ связей, которыя прикрѣпляютъ ихъ къ территоріи, къ племени, къ обществу и подъ вліяніемъ которыхъ слагаются общія матеріальныя потребности, общія этнологическія черты, общія навыки и запросы Но эта фактическая зависимость людей отъ государства не имѣетъ ничего общаго съ той государственной властью, которая воздѣйствуетъ на людей сознательными актами: съ той властью, которая законодательствуетъ, правитъ и судитъ

Эта власть есть организованная сила государства какъ правового единства. Будучи такой организованной и сознательной силой, она и можетъ проявляться только въ сознательныхъ и организованныхъ актахъ, другими словами,—*только въ дѣйствіяхъ людей.* И тѣхъ лѣдей, которые призваны государственнымъ устройствомъ совершать акты власти, повелѣвать и распоряжаться отъ имени государства, мы называемъ государственными органами, а дѣйствія ихъ, облеченныя въ установленныя формы, мы называемъ государственными актами.

Государственная власть не есть поэтому воля народа, общая воля, неотразимо и абсолютно подчиняющая себѣ частныя воли, какъ учила французская демократическая доктрина, это и не естественное природою данное государству свойство,—безусловно и неограниченно господствовать, о которомъ говорятъ современные нѣмецкіе правовѣды; это и не фактическое владычество сильныхъ надъ слабыми, какъ хочетъ увѣрить насъ Дюги. Это вообще не естественная первичная сила, а сила организованная и производная И выражается она не въ безсознательныхъ вліяніяхъ и не въ фактическихъ воздѣйствіяхъ, а въ сознательныхъ дѣйствіяхъ и въ формальныхъ актахъ

Государственная власть есть не что иное, какъ власть государственныхъ органовъ повелѣвать и распоряжаться отъ имени государства въ предѣлахъ юридическихъ нормъ, установленныхъ государственнымъ устройствомъ.

Но какъ возникли эти юридическія нормы и на чемъ основывается ихъ обязательная сила?

Этотъ вопросъ сводится къ общему вопросу о возникновеніи и авторитетѣ права Попытаемся отвѣтить на него въ рамкахъ отведеннаго намъ времени

III

Право для своего возникновенія не ждало законодателя, оно жило вѣка, прежде чѣмъ выросли государство и государи, прежде чѣмъ явилось письмо, закрѣпившее его на пергаментѣ и мраморѣ, прежде чѣмъ народились пророки, вожди и цари, провозгласившіе его завѣты и велѣнія

Право не создано законодателемъ, оно зарождается съ первыми зачатками общественности Каждый общественный союзъ основанъ на длительныхъ отношеніяхъ между людьми. Эти отношенія обусловливаютъ неотразимое воздѣйствіе другъ на друга индивидуальныхъ психикъ, воздѣйствіе, результатомъ котораго являются извѣстныя общія настроенія, чувства и представленія На почвѣ этихъ сверхъиндивидуальныхъ переживаній слагаются соціальныя правила, регулирующія установившіяся между членами союза отношенія. И когда этотъ союзъ дифференцируется и изъ общей массы населенія выдѣляются отдѣльные люди, выступающіе въ качествѣ жрецовъ, военноначальниковъ, правителей, то эти люди находятъ уже готовымъ тотъ комплексъ велѣній и нормъ, которыя оправдываютъ ихъ авторитетъ и опредѣляютъ ихъ мѣсто въ организаціи союза. Эти велѣнія и нормы имѣютъ такимъ образомъ своимъ источникомъ не индивидуальную волю отдѣльныхъ конкретныхъ людей и не коллективную волю народа, а ту духовную атмосферу, которая, выросши изъ индивидуальныхъ психикъ, подчинила ихъ себѣ и пріобрѣла надъ ними власть соціальной объективной силы.

Правовыя нормы долгое время живутъ въ формѣ юридическихъ обычаевъ Образованіе особыхъ законодательныхъ органовъ представляетъ собою сравнительно позднее явленіе государственной жизни. Но когда рядомъ съ обычнымъ правомъ появляется право писанное, право

этимъ нисколько не мѣняетъ своей внутренней природы, а получаетъ лишь новую форму для своего внѣшняго проявленія.

Право, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, въ формѣ ли обычая, или формѣ закона, и какъ бы оно ни устанавливалось, безсознательнымъ ли процессомъ, создающимъ юридическій обычай, или сознательной планомѣрной дѣятельностью законодателя, оно никогда не является предписаніемъ чьей-либо воли и никогда не основываетъ свой авторитетъ на чьей-либо власти, а всегда имѣетъ своимъ источникомъ правосознаніе народа и только въ солидарности съ нимъ черпаетъ свою силу. Какъ обычай не созданъ волей народа и свою санкцію не получаетъ отъ власти народа, такъ и законъ не выражаетъ волю законодателя и не въ его власти находить основаніе своей обязательности. Подчиняясь закону, мы не уступаемъ *власти* законодателя и не повинуемся его *волѣ*, а склоняемся передъ тѣмъ *правомъ*, которое въ законѣ находитъ свое внѣшнее выраженіе *Не законъ даетъ силу праву, а право даетъ силу закону.* Обязательность же для меня права обусловливается тѣмъ, что это право есть элементъ моей психики, есть часть моего я, того я, которое сложилось въ обществѣ, которое пропиталось его міросозерцаніемъ, которое живетъ одними съ нимъ идеями, представленіями и чувствами.

Утверждая, что законодатель не создаетъ, а находитъ право, мы этимъ не хотимъ, конечно, сказать, что въ народной совѣсти запечатлѣны готовыми тѣ юридическія положенія, которыя формулируетъ законъ.

Коллективная психика общества вырабатываетъ лишь идеи и принципы, лишь этическія мѣрила, которыя законодатель примѣняетъ къ оцѣнкѣ отношеній, нуждающихся въ урегулированіи и которыя служатъ директивами и руководящими началами его законодательной дѣятельности. Живущія въ обществѣ правовыя идеи и требованія, чтобы стать юридическими нормами, приспособленными къ практическому примѣненію, должны пройти черезъ ту лабораторію, въ которой законодатель примѣняетъ къ нимъ пріемы юридической техники и конструируетъ логическую систему правовыхъ опредѣленій. Но эти опредѣленія становятся живыми законами лишь постольку, поскольку въ нихъ живы принципы и требо-

ванія, подсказанныя законодателю тѣмъ правовымъ сознаніемъ, органомъ котораго онъ является. *И мы назовемъ правовымъ государствомъ лишь то, въ которомъ законодатель является дѣйствительно такимъ органомъ*

IV

Правовое государство возможно поэтому лишь въ формѣ конституціоннаго государства, въ которомъ необходимымъ факторомъ законодательства является народное представительство, какъ показатель общественнаго настроенія и какъ выразитель живущихъ въ народѣ правовыхъ представленій и соціальныхъ запросовъ.

Первое основное требованіе правового государства заключается такимъ образомъ въ томъ, чтобы ни одно измѣненіе правопорядка въ государствѣ не могло состояться безъ участія народнаго представительства.

Но если верховенство права въ государствѣ обусловливаетъ собой первенствующее въ немъ положеніе народнаго представительства, то оно же требуетъ, чтобы этотъ органъ не обладалъ надзаконной властью, а отправлялъ свои функціи лишь въ предѣлахъ и въ формахъ права И парламентъ въ современномъ конституціонномъ государствѣ, въ дѣйствительности, и является такимъ правомъ связаннымъ государственнымъ учрежденіемъ, обладающимъ лишь ограниченной сферой дѣятельности Онъ имѣетъ право измѣнять правовой порядокъ, но только въ предѣлахъ, установленныхъ основными законами Эти же основные законы для него недосягаемы: они входятъ въ компетенцію органовъ учредительной власти, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, обладаетъ лишь ограниченною властью

И учредительные органы не только ограничены формальными постановленіями, опредѣляющими предѣлы и и порядокъ ихъ дѣятельности, они связаны и нормами матеріальнаго права, опредѣляющими эту ихъ дѣятельность по существу Норвежская и греческая конституціи, напр , разрѣшаютъ учредительнымъ органамъ вносить только частичныя измѣненія въ основные законы и притомъ лишь такія, которыя оставляютъ неприкосновенными основные принципы существующаго государственнаго

строя Аналогичныя постановленія мы встрѣчаемъ и въ конституціяхъ Швейцаріи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Франціи и другихъ. Органы учредительной власти подчинены, такимъ образомъ, авторитету безличныхъ велѣній, которыя нельзя свести къ предписаніямъ того или другого властителя, того или другого органа. Эти велѣнія обусловливаются политическимъ міросозерцаніемъ народа и вытекаютъ изъ того накопленнаго поколѣніями фонда идей и воззрѣній, который даетъ государственному союзу его индивидуальный обликъ и его особую историческую физіономію

Указавъ на тѣ формы, въ которыхъ проявляется господство права въ области законодательства, мы должны теперь намѣтить тѣ начала, которыя призваны охранять авторитетъ права въ сферѣ правительственной.

Во всѣхъ государствахъ правового типа господство права въ области верховной правительственной дѣятельности обезпечивается, во-первыхъ, тѣмъ, что эта дѣятельность не сосредоточивается въ одномъ полновластномъ органѣ, а распредѣляется между нѣсколькими учрежденіями, ни одно изъ которыхъ не имѣетъ права принимать рѣшенія безъ согласія другихъ координированныхъ ему учрежденій, во-вторыхъ, тѣмъ, что среди этихъ учрежденій существуетъ всегда органъ, устройство котораго обезпечиваетъ солидарность его актовъ, а слѣдовательно и актовъ остальныхъ органовъ, съ настроеніемъ общества и съ господствующими въ немъ политическими теченіями.

Этимъ органомъ является или, какъ въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ, президентъ, избираемый на срокъ народомъ и передъ нимъ отвѣтственный, или, какъ въ Швейцаріи, правительственная коллегія, избираемая органами народнаго представительства и передъ ними отвѣтственная, или, какъ въ парламентарныхъ монархіяхъ и республикахъ, министерство, назначаемое безотвѣтственнымъ главою государства, но отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ и остающееся у власти лишь до тѣхъ поръ, пока пользуется его довѣріемъ. Въ государствахъ послѣдняго типа безотвѣтственный глава государства не можетъ совершить безъ участія этого солидарнаго съ парламентомъ органа ни одного связующаго государственнаго акта ни въ области законода-

тельства, ни въ области правительства, ни въ области суда Онъ не имѣетъ права ни утвердить закона, ни издать указа, ни назначить должностное лицо, ни помиловать преступника безъ того, чтобы эти акты не были закрѣплены подписью министра или министровъ, которые этою скрѣпой берутъ на себя отвѣтственность за эти акты· отвѣтственность юридическую передъ судомъ, отвѣтственность политическую передъ народнымъ представительствомъ. *Въ современномъ конституціонномъ государствѣ правового типа могутъ существовать и существуютъ безотвѣтственные органы, но не существуетъ безотвѣтственныхъ правительственныхъ актовъ.*

Въ области, наконецъ, отправленія правосудія господство права находитъ свое осуществленіе въ принципѣ, въ силу котораго ни одинъ судебный приговоръ не можетъ состояться иначе, какъ по постановленію независимаго суда, своею организацією обезпеченнаго какъ отъ всякаго политическаго давленія, такъ и отъ всякаго административнаго воздѣйствія.

Народное представительство, отвѣтственное правительство, независимый судъ — вотъ тѣ основныя учрежденія, которыя въ условіяхъ современной культуры призваны обезпечивать господство права въ конституціонномъ государствѣ.

V

Идея верховенства права въ государствѣ не есть абсолютная категорія, а категорія историческая Она слагалась лишь постепенно и еще въ наши дни не получила общаго признанія. Слишкомъ глубоко въѣлись въ умы людей тѣ воззрѣнія и принципы, на которыхъ покоилось государство стараго порядка И, несмотря на то, что современное государство радикально обновило формы своего политическаго существованія, старыя идеи, которыми питался абсолютный строй, тѣмъ не менѣе, все еще живы и продолжаютъ стелить свой туманъ, заволакивающій политическую мысль и мѣшающій идеѣ верховенствá права выступить во всей своей яркости и силѣ.

Съ этими идейными пережитками стараго порядка мы и должны окончательно порвать и рѣшительно и

смѣло выдвинуть тѣ принципы, которые являются необходимыми предпосылками правового государства.

Мы должны прежде всего признать самостоятельный авторитетъ права и покончить съ воззрѣніемъ на него, какъ на предписаніе носителей власти, мы должны уразумѣть, что современное государство — не сумма безправныхъ и безгласныхъ подданныхъ, связанныхъ подчиненіемъ абсолютной сверхправовой силѣ, а союзъ свободныхъ гражданъ, способныхъ подчиняться лишь безличнымъ велѣніямъ, которыя или говорятъ словами закона или устами учрежденій, закономъ же призванныхъ повелѣвать въ интересахъ цѣлаго, въ предѣлахъ и въ формахъ закона.

И когда эти идеи станутъ общимъ достояніемъ русскаго общества, тогда начало верховенства права перестанетъ быть для насъ только идеальнымъ требованіемъ, а выступитъ практической тенденціей, неотразимо опредѣляющей ходъ нашего политическаго развитія.

Но если мы хотимъ, чтобы этотъ день наступилъ для насъ, то мы должны помнить, что *для того, чтобы жить въ правѣ, необходимо, прежде всего, чтобы это право жило въ насъ* Право становится авторитетной силой лишь въ томъ обществѣ, въ которомъ идеей права проникнуты отдѣльные его члены и въ которомъ индивидуальное правосознаніе чутко отзывается на всѣ проявленія общественной жизни и властно требуетъ для каждаго изъ этихъ проявленій правовыхъ путей и правовыхъ формъ

И я не сумѣю лучше закончить свое слово, какъ выраженіемъ надежды, что возродившееся юридическое общество не только выступитъ энергичнымъ работникомъ на нивѣ русской юридической науки, но и станетъ органомъ воспитанія въ нашемъ обществѣ чувства права и чувства правды и въ этомъ сознаніи своей высокой культурной миссіи будетъ черпать для своей грядущей дѣятельности и силу, и бодрость, и стойкость